

РАССТРЕЛЯННОЕ СЕРДЦЕ

ПОЭТ А. НЕСМЕЛОВ

Элеонора Тихоновна БОНДАРЕВА,
журналист

Знакомясь с екатеринбургской новинкой — журналом «Белая армия. Белое дело», я вдруг открыла для себя поэта эмиграции Арсения Несмелова. Стихи разлученного с «единой, неделимой» колчаковского поручика привлекли чистой болью, не замутненной классовой ненавистью. Он романтизировал Белое движение. О мастерстве Несмелова-стихотворца несколько слов из владивостокского журнала «Фиал» за 1921 г. в статье «Квартет поэтов» за подписью «Л.А.» Четыре жиденьких тетради. Две из Владивостока и две — харбинские. Премьерствует, бесспорно, Арсений Несмелов. Он почти сложившийся художник. Несмелов дарит столько освеженных росой подлинного дарования образов, необычных трепетных сравнений и волнующих ассонансов, что нельзя не простить поэту его молодые ошибки и срывы.

Рифма Несмелова девственна и остра («нежен» — «не во сне же», «перезиток» — «не дрожи так» и т.п.), образы — четки и незабываемы.

Ветер упругой ладонью
Гладит меня по спине.

А итоги проскрипевших дней
Мне несут икающую мудрость.

Наилучшими вещами, на мой взгляд, являются «Буржуйка», «Раненый» и шедевр «Урод».

В подборке в «Белой армии» этих «шедевральных» стихов нет. Может быть, они были опубликованы в том самом сборнике «Уступы», который Арсений Несмелов бросил во Владивостоке в типографии в 1924-м, отбывая в Харбин? Уходил весело. Не думал, что навсегда. Впрочем, не ошибся: вернулся все-таки.

Как заметят в журнале «Рубеж» выпуска 1995 г., вышедшем уже не в Харбине, а в Приморье, Несмелов возвращался на родину трижды: весной 1920 г. в статусе бывшего белого офицера в «вольный» город Владивосток, «единственную гавань небольшевицкой России» в те годы; в сентябре 1945 г. в тюремном вагоне под присмотром советской охраны; и осенью 1990 г., когда в России напечатали его поэтический сборник «Без Москвы, без России», выпущенный издательством «Московский рабочий». В 1992 г. во Владивостоке вышел первый, 863-й с учетом харбинской серии (1927—1945 гг.) журнал «Рубеж» со стихами Арсения Несмелова и пространством разговором о нем и его творчестве. Были впрочем и более ранние эпизодические возвращения. В 1967 г. в «Антологии поэзии Дальнего Востока» (г. Хабаровск) дали несмеловскую подборку с цензурными купюрами — впервые в СССР. Разразился скандал. Автор вновь отбыл в забвение — на два десятка лет. В августе 1988 г. стихи офицера-эмигранта промелькнули в журнале «Сибирские огни», в сентябре — в «Юности», в ноябре в «Октябре», в декабре — в журнале «Дальний Восток», проявившем гражданскую доблесть постфактум. В апреле 1989 г. поэму «Прощенный бес» напечатал «Дон». Весь этот поток осторожных публикаций делался к столетию поэта.

А в начале постсоциализма — Москва и том первый в американском издательстве «Антиквариат», точка отсчета посмертной популярности.

При жизни Арсения Несмелов вообще-то тоже был известен: 8 поэтических сборников, россыпь стихов в журналах «Рубеж» и «Луч Азии» в Харбине, стихи и проза в Шанхае (1934—1936 гг.), публикации в Германии, Франции, Чехословакии. В русских эмигрантских изданиях, конечно, но все-таки, все-таки... Отдавали должное везде. Только не на Родине. Он всегда знал, что ждет его дома, если возвращение состоится.

И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы,
Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы.

Это стихотворение «Моим судьям» (Из какого года этот куплет?).

Собственно, на сегодняшний день мы знаем об Арсении Несмелове всего ничего. О конце его — скупые строки в «Рубеже»: умер в пересыльной тюрьме в Гродеково, в здании старой школы от инсульта. Или от инфаркта.

В очерке Несмелова «О себе и Владивостоке» мелькает щемящий душу и при этом озорной эпизод: Арсению, только что перебравшемуся в «вольный» город из-за границы в 1920-м без копейки и перспективы на пристанище, зябко под долгим дождем и хочется есть. Что, если податься в теплую больницу? И он подается, «надсадив» себе сердце при помощи «шести папирос, выкуренных натошак». Его укладывают в палату, приносят горячий обед... Не было ли

Арсений Несмелов

никлась желанием реконструировать его личность на основе стихов и прозы; в свете этой просверкнувшей по зову свыше задачи точные названия его сборников, а также даты и обстоятельства их издания меня интересуют разве что как вехи духовного движения Несмелова. Любое из своих вроде бы юношеских стихотворений он мог написать в зрелые годы — и наоборот. О мастерстве в техническом отношении рецензент в «Фиале» 1921 г. удивительно объемно сказал применительно не только к текущему, но и к будущему творчеству харбинского поэта «серебряного» века; что же касается времени — время всякого поэта вытянуто в одну горизонтальную линию, на которой он свободно перемещается, не зная нужды ни нырять в прошлое, ни взмывать или вскарабкаться в грядущее. Его «я» всегда здесь и не здесь, везде и нигде.

Он и не Несмелов вовсе: выпускника кадетского корпуса звали Арсением Ивановичем Митропольским. Согласно сведениям из послужного листа, родился в июне 1889 г. в Москве в семье статского советника. Боевое крещение поручик 2-го (или 11-го?) гренадерского Фанагорейского полка получил в первую мировую. Был ранен и награжден четырьмя орденами. Октября 1917-го не принял. Служил в штабе адмирала Колчака, был помощником коменданта г. Омска, участвовал в Ледовом походе Каппеля, который закончился бегством разбитых частей в Китай.

«... Поручик Голицын, а может, вернемся? Зачем нам, поручик, чужая земля?...» С такой-то выразительной антисоветской биографией! Но он вернулся. Отчаянным был человеком, судя по всему, этот поручик Митропольский.

Представленные в журнале «Белая армия. Белое дело» в №5 за 1998 г. стихи Арсения Несмелова не датированы; судя по настрою поэта, взяты из разных лет. Заметен дар предвидения, зарифмованный в образы.

В стихотворении «Цареубийцы», отклике на расстрел семьи последнего Романова, уличают не только «сто сорок миллионов» верноподданных земляков Несмелова, но и нас с вами:

Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни.

и тогда в 45-м, шести папирос? Или больше, чтобы уж без промаха. Не стал ждать, пока Родина выстрелит первой...

Как он выглядел, этот бард в мундире поручика? Портрет в «Белой армии»: человек нордического типа в полупрофиль при галстук-бабочке в горошек. Словесный портрет Несмелова от поэта Николая Асеева в годы перед эмиграцией: «Поседевший юноша с мучительно расширенными зрачками». Из несмеловских стихов восемнадцатого и вокруг года вырисовывается еще один портрет: корнет Оболенский, поручик Голицын. Наконец, автопортрет из прозы: добродушный, с бесконечным запасом светлого юмора компанейский жизнелюб чуть ли не кисти Рубенса, «Злоба гражданской войны уже угасла в нас». И была ли?

Чувствуя притяжение этого многоликого дарования, я про-

Что точно, то точно. А вот и реквием по СССР, то есть по нашим с вами вождям:

И над всеми легло проклятье,
 Всем нам давит тревога грудь:
 Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
 Некий давний кровавый путь?

Мотив высшей меры звучит в стихотворении «Нижеудинск»: в эшелоне «на пытку и расстрел» везут адмирала Колчака.

И он ответил мне наклоном
 Своей прекрасной головы...

Мы, выросшие на отечественной поэзии, привыкли к другому персонажу, не Несмеловскому:

На седых уральских кручах
 Вороны кричат.
 По Заволжью черной тучей
 Стелется Колчак.

Об адмирале, а до этого — ученом и исследователе Александре Колчаке написано и рассказано много. Ярки и сильны оба персонажа: и Колчак красных, и Колчак белых. На перекрестке политически окрашенных характеристик высится неординарная личность, неординарность же во всех ипостасях привлекательна.

Где-то рядом с «Нижеудинском» — или не рядом? — Арсений Несмелов пишет «Балладу о Даурском бароне», о белом генерале Романе Унгерне, расстрелянном большевиками в Сибири в 1921-м. Баллада полна фольклорных образов: черный конь, всадник в черном плаще, черный ворон на плече барона. Воскресший Унгерн с ожившим другом своим — вороном мчится сквозь Гоби. Ночь. Песчаная буря. В документальной повести «Самодержец пустыни», которую в исполнении нынешнего писателя (бронзовый упругий язык, незнакомые, ни за что ни про что упрятанные от нас в спецхран на 70 лет факты, мудрая, словно от седого летописца унаследованная, позиция автора) доведется мне прочитать в середине девяностых двадцатого века, припоминается куплет из баллады Несмелова:

Я слышал,
 В монгольских унылых улусах,
 Ребенка качая при дымном огне,
 Раскосая женщина в кольцах и бусах
 Поет о бароне на черном коне.

Эмигрантский фольклор о прибалтийском бароне-панмонголисте. Пела ли «раскосая женщина в кольцах и бусах»? Монголия своими руками отдала нам Унгерна, хоть и считала его воплощением бога войны. Но опять предвидение белого поручика о черном бароне могли запеть в «унылых улусах» после того, как большевики начали расстреливать лам и тащить связанную по рукам и ногам не нашу страну в придуманный нами для нее коммунистический рай.

Очень значительный штрих в деле реконструкции Несмелова-личности: в его стихотворении «Азия и Европа» в 1944 г. оживает идеологическая посылка Романа Унгерна, которую можно кратко выразить в известной формулировке «С востока свет». Воюющая Европа у Несмелова — «насилья цитадель», ибо «красавица с лицом патрицианки» поработила свою трудолюбивую сестру. Вторая мировая война создала в Азии «порыв освободительный, победоносный».

И новая в истории война
 Озарена одной высокой целью, —
 Дробит, ожесточением полна,
 Насилья цитадель за цитаделью.
 (И нас, то бишь СССР, в том числе?).

Что и говорить, были у СМЕРШа основания для того, чтобы надеть на ручки на поэта.

Уважаю: остался при своем мнении, не сломался.

Летоисчисление Несмелова пошло от 18-го, этот год стал для него стоп-кадром:

Гремящий год! В венце багровых зарев
 Он над страной прозыбил шаткий шаг,
 То партизан, то воин государев,
 Но вечно исступлением дыша.

Все меньше нас—о, Год! — тобой рожденных,
 Но верю я, что в гневе боевом,
 По темным селам, по полям сожженным
 Проскачешь ты в году... (В каком же году, — сороковым?).

В Харбине перед второй мировой войной действовала и была весьма агрессивно настроена русская фашистская группировка, — за Россию, но против Советов.

Впрочем, может быть, Арсений Несмелов думал и не про 40-й вовсе. О 88-м. О 98-м... О нашей нынешней России, срисованной с несмеловской 1918 г. Только тогда события окрашивала в высокие цвета страсть борьбы за идею.

Ясновидение приветливого, склонного к уединению на природе фламандца от Белой армии озадачивает: ладно бы, исходи эти сумрачные пророчества от демона типа Унгерна:

Иногда я думаю о том,
 На сто лет вперед перелетая,
 Как, раскрыв многоречивый том
 «Наша эмиграция в Китае»,
 О судьбе изгнанников печальной
 Юноша задумается дальний (стихотворение «Потомку»).

Стихи не датированы, но, они, наверное, ближе к сороковым.

Холодно разъединим глаза, — предвидит поэт — и прощает нас, однозначно осудивших эмигрантов за то, что они не решились вернуться на Родину, такую, по нашим пионерским понятиям, справедливую и добрую к справедливым и добрым людям.

Из стихотворения «Броневик»:

Надменный, как откормленный буржуй,
 Харбин вас встретил холодно и грубо:
 Коль вы, шпана, не добыли Москвы,
 На что же, голоштанное, мне вы?

Броневик «Каппель», на котором битое воинство прибыло в Китай, загнан в тупик, «ржавый труп» броневика мокнет под дождем уже девять лет, стихотворение писалось, судя по этой обмолвке, в разгар несмеловского бытия в «холодном и грубом» городе чужих.

Не было гармонии и между своими: генералы «из памяти муаровой», вышвырнутые за кордон и неплохо устроенные на чужбине, пишут мемуары о своем былом геройстве, давая «разжиревшим мещанам» возможность полюбоваться красочным описанием кровавой бойни.

Пламенем боев им любо греться
 В креслах тишины.
 А у нас — расстрелянное сердце
 До конца войны.
 (Не «до конца войны». Навсегда).

Но и с «расстрелянным сердцем» Арсений Несмелов живет и творит. Илья Кутузов-Голенищев пишет в Париже в 1932 г. рецензию на стихи харбинца, где дает характеристику не только его творчеству, но и личности: «Несмелов — поэт взвихренной России, огненных лет, непосильных испытаний. Недавнее прошлое — мировая и гражданская войны, первые годы изгнания — владеют его душевным миром. Но он уже чувствует, что дно достигнуто, что где-то открывается путь восхождения».

Об отношениях Несмелова с этим рецензентом есть подробности. Илья Николаевич Кутузов-Голенищев — писатель и переводчик, постоянный автор эмигрантского «Возрождения» во Франции в статье «Арсений Несмелов» относит поручика Митропольского к лучшим поэтам эмиграции: «Действительность для них не унижительна, но трагична, в ее возвышенной горечи они ощущают начало катарсиса, очищения». Переписка возникла в связи с поэмой Несмелова «Через океан», вышедшей в шанхайском «Понедельнике» и, судя по словам поэта, дорогой для Несмелова. Сюжет произведения имел место в реальности: в 1922 г. несколько кадетов бегут из России на крошечном парусно-моторном боте «Рязань». Прорвавшись через многочисленные опасности, прибывают к берегу Северной Америки — и жители портового городка, восхищенные отвагой русских парней, проносят «Рязань» на руках по улицам под звуки оркестра.

В 30-е годы Арсений Несмелов переживает внутренний кризис — не первый, очередной, но тяжелый. На психику наваливаются сложные отношения с семьей (разводится с женой Екатериной Худяковской, она с дочерью Наташей уезжает в Россию, о «торжественной» встрече родных с Родиной Несмелов вскоре узнает). Конфликт на КВЖД, японцы в Маньчжурии, в результате чего возникло игрушечное государство Маньчжоу-Го с настороженным прищуром в сторону русской эмиграции. Трагедии веры, кажется, пока что не случилось, однако — все плохо. Хуже некуда.

«Как вы думаете, стоит ли ехать в Европу? Мне на Дальнем Востоке ужасно надоело». «Как ни трудно живется в Китае, здесь будет труднее». Это — из переписки Несмелова с редактором русского общественно-экономического сборника «Вольная Сибирь», выходявшего в Праге дважды в год с 1927 по 1931-й. Опубликовано 9 номеров, автобиографический очерк Несмелова был запланирован в 10-й, стихи его печатались во всех 9 номерах. Переписка с редактором «Вольной Сибири» Иваном Александровичем Якушевым, сохранившаяся по случаю, аттестует Арсения Несмелова как остроумного собеседника, весьма далекого от материальных забот, — умел человек оставаться на высоте рубенсовских портретов даже в чернейшие свои дни!

Стихи «роковых сороковых» — это раздумья об «участи ничтожной судьбы соловьев» в исполнении порывистого буревестника:

Хоть бы буря!... с ломающим вязы
 Ветром-тигром, с кровавой судьбой,
 Только не был бы голос мой связан
 Безнадежностью этой тупой!
 («Рубеж», 1944 г., №2.).

В 1945-м в одном из последних опубликованных стихотворений, очередной год Несмелова отходит от пристани, увозя в трюме «надежды и опаленные грезы»:

И платками машут с черной палубы
 Дорогие сердцу мертвецы.
 (То есть, эти самые надежды и грезы).

Близок час: вот-вот на «черной палубе» уплывет и он, сам Несмелов.

16 августа 1945-го в пригороде Харбина высаживается советский десант. Неделю спустя в японском консульстве затевается что-то вроде литературно-го вечера, на который поименно приглашаются сотрудники эмигрантских изданий. Как вспомнят впоследствии участники событий, кое-кто усомнился в благополучном исходе мероприятия и не пошел. Арсений Несмелов пришел на прием: хоть бы буря! Верил — не верил? Наверяд ли мы теперь узнаем. Их арестовали, посадили в автобус и увезли. Исчезли 127 человек. Умер? Покончил с собой? Вполне возможно второе.

Хоть бы буря!
С кровавой судьбой...
(Другого пути у него не было).

Кто-то о ком-то сказал: и был его последний вздох моим первым. Из моих дошкольных воспоминаний: был день Победы над Японией, вернее, вечер, на батарее за огородами резвился фейерверк, фиолетовые ракеты цвели в сиреновом небе, было космическое ощущение Начала. Начало жизни.

Вернемся к началу Арсения Несмелова.

В мемуарном очерке «О себе и Владивостоке», написанном в 1929 г., Арсений Несмелов рассказывает об Арсении Несмелове: «Арсений Несмелов родился в апреле 1920 г., когда местная газета «Голос Родины» впервые напечатала стихотворение, так подписанное». Речь идет о стихотворении «Соперники» — в нем солдаты разных национальностей ждут на свидание «быстроглазую швейку», которая, как и полагается юной шалунье, их всех обманула. Томительное ожидание кончается дружной попойкой и интернациональным единением. «В памяти — почему? — мелькнуло лицо друга, убитого под Тюменью. Пусть живет в моих стихах! И я подписал — «Несмелов».

Во Владивосток он пришел не с мечом, но с миром: «Два года я дрался с большевиками, но драться с человеком — не значит узнать его. Почему бы не посмотреть, не познакомиться?»

Знакомство началось в авторском изложении презабавно: поэт сидит на скамеечке, читает свои стихи в «Голосе Родины». Японец — рядом: «Что-нибудь очень интересное? — Да! — гордо ответил я. — Очень интересное. Это мои стихи. Вот!» Японец оказался редактором ежедневной газеты «Владиво-Ниппо» и пригласил Несмелова выпускать русское издание «листка».

Короткая повесть об этой «Блохе», которая «выходит, когда захочет» и «кусает, кого захочет», великолепно смешна, юмор без примеси какой-либо сатиры, так может описывать свои приключения только нравственно здоровый, открытый для счастья человек, — и лучезарность этого рассказа о «Владиво-Ниппо» еще более в цене для того, как наверняка знает: уж безмятежно беспечным в то время Арсений Несмелов ни в коем случае не был.

«Из огромного количества лиц, посещавших редакцию с предложением услуг, я оставил себе одного полковника кроткого вида», посадил его за писание статей, целью которых было доказать, что без японских оккупационных войск Владивосток погиб бы».

Японцы разрешают ругать «не только красных, но и белых». Мы совершенно нейтральны, и газета должна это доказать».

Полковник: «Я могу писать и так, и этак».

Идет лай на оба фронта.

«Боже мой, как нас крыли оставшиеся в городе красные газеты!» Они же при надобности ссылались на несмеловское издание, разделявая под орех японское командование.

Цитировать бы и цитировать прозу белого поручика, ильфо-петровскую, зощенковскую, маяковскую и так далее твеновскую!

Нет, не таким мы привыкли видеть Владивосток периода интервенции в произведениях победителей. Зато в воспоминаниях — устных! — просто старожилов город и впрямь не очень-то обращал внимание на политическую ката-

васию. Жили. Работали. Любили. Сердились, как мы сейчас: и когда все ЭТО кончится наконец-то? Ждали, что станет хорошо. Как и сейчас ждем.

Несмелов тем временем совершенствуется в поэзии, в окружении «пятидесяти действующих» поэтов, «наркоманов» и «клептоманов», читает и слушает стихи в кабачке «Балаганчик».

В условиях назревающего «нового переворота» ему иногда подумывалось: «... опасность велика, если большевики знают обо мне все».

Зная «все», большевики, тем не менее, поначалу стали плотно сотрудничать с одаренным человеком, несмотря на его колчаковские «уральские кручи». Нет, не планировался в это время у нас 1937-й год!

«Остаюсь в твердой уверенности, что не меня первого будут арестовывать, а, следовательно, удрать всегда успею, не сушей, так морем», — надеется Арсений.

Надеется, что удирать все-таки не придется.

Когда «Владиво-Ниппо» самоликвидируется, Несмелова приглашают заведовать литературно-художественным отделом в газету «Красное знамя». Дружба с «милейшим из коммунистов» редактором Рахановым вплоть до изгнания последнего с поста за пристрастие к ресторанам, общение с первыми советскими функционерами. (Но тяжка каменная поступь времени).

Новая власть в «Красном знамени». Закрытые двери газет, несмотря на стихотворные сборники поэта. Он пробавляется фельетонами, ловит на предмет пропитания рыбу в заливе, с возрастающей тревогой прислушивается к сообщениям о расстрелах литераторов в центре. Гумилев... «Кто первый сказал «Господи, драпанем в Харбин!» — я не помню, но эта фраза была сказана, и все мы ответили коротким: Заметано!»

Он продает «ундервуд», заказывает подошвы к ботинкам, раздаривает только что отпечатанный сборник «Уступы», приходит в музей проститься с профессором Арсеньевым: «Я нахожу Владимира Клавдиевича у огромного чучела уссурийского тигра и с места в карьер приступаю к изложению своего дела: — Я и несколько моих друзей решили бежать из Владивостока. Вы меня простите, что я вас посвящаю в это не совсем безопасное дело, но мы выбрали необычный путь — через Амурский залив, а далее до границы, на своих двоих. Мы все на учете в ГПУ, и дальше Угольной нам нет ходу.

Владимир Клавдиевич берет меня за руку и подводит к большой, висящей на стене карте Приморья...»

Арсеньев, которого Несмелов «глубоко и нежно» любит, в роли Дерсу Узала.

Об этом эпизоде Несмелов рассказывает в очерке под названием «Наш тигр», который помещает в журнале «Луч Азии» в 1941 г. Арсеньева уже не было, схватить его за пособничество белым офицерам уже не могли, хоть и подозревали в этом еще при жизни.

Итак: в Харбин.

В ГПУ Несмелову говорят: «Если за вас поручатся два члена профсоюза, мы снимем вас с учета». Вот тебе и на. Можно уехать, куда угодно, можно в Москву. Но — «ундервуд» продан, прочно подбитые ботинки на ногах. Рубикон перейден.

А главное — из фольклора каппелевцев Ледового похода:

Ряды редели с каждым днем,
Остались только люди чести.

Не бросил товарищей. Бежал из Владивостока вместе с ними. Был июль 1924-го, моросил дождь. 19 дней компания мускулистых парней блуждала по тайге, потом вышли к КВЖД, к Харбину.

«В Харбине ничего интересного со мной не происходило». (Можно подумывать).

Очерк пролежал в архивах спецхрана почти полвека.

Арсений Несмелов не сомневался, что вернется в Россию. Рано или поздно. Вернулся, но...

SUMMARY. The author of the article «A Shot Heart», journalist Eleonora Bondareva, writes about Arseny Nesselov. When read one Ekaterinburg novelty-journal «The White Army», she opened for herself and now opens for readers this poet-emigre — romantic one (as he tells about himself «a youth with painful enlarged pupils of eyes»), a man with endless stock of humor, a man who loved life and friends, in whose heart «the Civil war anger» had already faded.

The genuine name of this poet is Arseniy Ivanovich Mitropolsky, a lieutenant of Grenader regiment, who was awarded by four orders. He did not take October Revolution 1917 and shared the tragic fate of thousands of the Russian emigres.

Eleonora Bondareva acquaints readers with Nesselov's poems of different years, all they reflect Time when the poet lived and worked.